

А. Ф.
ПИСЕМСКИЙ

Избранное

Алексей Феофилактович Писемский

Плотничья артель

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=661265

*А.Ф.Писемский. Собр. соч. в 9 томах. Том 2: Издательство «Правда»,
биб-ка «Огонек»; М.: 1959*

Аннотация

«Зиму прошлого года я прожил в деревне, как говорится, в четырех стенах, в старом, мрачном доме, никого почти не видя, ничего не слыша, посреди усиленных кабинетных трудов, имея для своего развлечения одни только трехверстные поездки по непроямтой дороге, и потому читатель может судить, с каким нетерпением встретил я весну...»

Содержание

I	4
II	13
III	23
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Алексей Феофилактович

Писемский

Плотничья артель

Рассказ

I

Зиму прошлого года я прожил в деревне, как говорится, в четырех стенах, в старом, мрачном доме, никого почти не видя, ничего не слыша, посреди усиленных кабинетных трудов, имея для своего развлечения одни только трехверстные поездки по непроматой дороге, и потому читатель может судить, с каким нетерпением встретил я весну. И – боже мой! Как хороша показалась мне оживающая природа и какую тонкую способность получил я наслаждаться ею, способность, которая – не могу скрыть – была мною утрачена в городской жизни, посреди чиновничьих и другого рода мирских треволнений. Настоящим образом таять начало с апреля, и я уж целый день оставался на воздухе, походя на больного, которому после полугодичного заключения разрешены прогулки, с тою только разницею, что я не боялся ни катара, ни ревматизма, ходил в легком платье, смело промачивал

ноги и свободно вдыхал свежий и сыроватый воздух. Протя-
явший на пригорке луг сделался для меня предметом неис-
тощимого внимания; по несколько раз в день я наблюдал, как
он больше и больше расширяется, свежей и свежей зеленеет;
появившиеся на садовых вербах почки я почти пересчитыва-
вал, как будто бы в них было все мое богатство. С каким жи-
вым чувством удовольствия поехал я, едва пробираясь, вер-
хом по проваливающейся на каждом шагу дороге, посмотре-
ть на свою родовую речку, которую летом курица перей-
дет, но которая теперь, несясь широким разливом, уносила
льдины, руша и ломая все, попадающееся ей навстречу: и су-
хое дерево, поваленное в ее русло осенним ветром, и накат
с моста, и даже вершу, очень бы, кажется, старательно при-
крепленную старым поваром, ради заманки в нее неопыт-
ных шурят. Целую неделю на небе хоть бы облачко; солнце
с каждым днем обнаруживает больше и больше свою тепло-
творную силу и припекает где-нибудь у стены, точно летом.
И сколько птиц появилось и как они ожили, откуда приле-
тели и все поют: токуют на своих сладострастных ассамбле-
ях тетерева, свищет по временам соловей, кукует однообраз-
но и печально кукушка, чирикают воробьи; там откликнет-
ся иволга, там прокричит коростель... Господи! Сколько си-
лы, сколько страстности и в то же время сколько гармонии в
этих звуках оживающего мира! Но вот снегу больше нет: ло-
шадей, коров и овец, к большому их, сколько можно судить
по наружности, удовольствию, сгоняют в поля – наступает

рабочая пора; впрочем, весной работы еще ничего – не так торопят: с Христова дня по Петров пост воскресенья называются гулящими; в полях возятся только мужики; а бабы и девки еще ткут красна, и которые из них помоложе и повеселей да посвободней в жизни, так ходят в соседние деревни или в усадьбы на гульбища; их обыкновенно сопровождают мальчишки в ситцевых рубахах и непременно с крашеным яйцом в руке. Гульбища эти по нашим местам нельзя сказать, чтоб были одушевлены: бабы и девки больше стоят, переглядываются друг с другом и, долго-долго сбираясь и передумывая, станут, наконец, в хоровод и запоют бессмертную: «Как по морю, как по морю»; причем одна из девок, надев на голову фуражку, представит парня, убившего лебедя, а другая – красну девицу, которая подбирает перья убитого лебедя дружку на подушечку или, разделясь на два города, ходят друг к другу навстречу и поют – одни: «А мы просо сеяли, сеяли», а другие: «А мы просо вытопчем, вытопчем». Самой живой сценой бывает, когда какой-нибудь мальчишка покажется вдруг колесом и врежется в самый хоровод, причем какая-нибудь баба, посердитее на лицо, не упустит случая, проговоря: «Я те, пес-баловник этакой!», толкнуть его ногой в бок, а тот повалится на землю и начнет дрегать ногами: девки смеются... Иногда привяжется к хороводу только что воротившийся с базара пьяный мужичонко и туда же лезет целоваться с девками, которые покрасивее; но этакого срамного кто уж поцелует? И он начнет выкидывать другие шту-

ки: возьмет, например, две палки, из которых одну представит будто смычок, а из другой скрипку, и начнет наигрывать языком «Барыню»¹ или нагонит какого-нибудь мальчишку, стащит с него сапог силой, возьмет этот сапог, как балалайку, и, тоже наигрывая языком, пустится плясать и, подняв на улице своими лаптями страшную пыль, провалится, наконец, куда-нибудь; хороводницы после этого еще постоят, помолчат, пропоют иногда: «Калинушка с малинушкой лазоревый цвет»; мальчишки еще подерутся между собой и затем начнут расходиться по домам... Вот вам и игрище все!

Между тем время идет: яровое допахивают. Вечер ясный, теплый. Я сижу на задней галерее дома, обращенной во двор. В зале шумят двое маленьких сыновей: старшему, Павлу², четвертый, а младшему, Николаю³, второй год. Они всеми силами стараются перекричать друг друга, вскрикивая: «Пли, пли, пли!» Это они играют в солдаты и воюют с турками; вдруг один заревел. «Поля! Ты опять брата дразнишь?» — кричу я, наперед зная, что старший, буян, обидел младшего, и хочу идти; но слышу, пришла мать: она лучше восстановит мир. Поля пренаивно объявил, что он братца пикой заколол; ему объясняют, что братца стыдно колоть пикой, потому что братец маленький, и в наказание уводят в гостиную, говоря,

¹ «Барыня» — популярная песня, печатавшаяся в песенниках с 1799 года. Музыка композитора И.А.Козловского (1757—1831).

² Павел — П.А.Писемский (1850—1910), старший сын писателя.

³ Николай — Н.А.Писемский (1852—1874), младший сын писателя.

что его не пустят гулять больше на улицу и что он должен сидеть и смотреть книжку с картинками; а Колю между тем, успокоив леденцом, выносят ко мне на галерею. Он так огорчен, что все еще продолжает всхлипывать; большие голубые глазенки полны слез.

– Что, Коля, тебя обидели? – говорю я, беря его за подбородок.

Он несколько времени смотрит на меня, потом прижимает головку к плечу няньки и, как бы вспомнив тяжко нанесенную ему обиду, горько-горько опять заплачет.

– Полно, батюшка, полно! Вон, посмотри, какая идет кошка, а, а, а, кошка!.. Кис, кис, кис!.. – говорит ему в утешенье нянька, показывая на перебирающуюся по забору кошку.

Ребенок занялся.

– Кис, кис, кис! – шепчет он тихонько.

– Да, батюшка, кис, кис, кис, – повторяет за ним нянька, и оба, очень довольные друг другом, отправляются в залу баюкаться. «Бай, бай, бай!» – начинает напевать старуха. «О, о, о!» – окается ребенок, а я все еще продолжаю сидеть: не хочется в комнаты, отрадно на воздухе, хоть и становится свежо. Однако дедушка Фаддей прошел уж за квасом – значит, девятый час в исходе. Дедушка Фаддей только три раза в день (перед завтраком, обедом и ужином) слезает с печи и ходит за квасом, и – не беспокойтесь, никогда не опоздает; всегда первый нацедит из общественной квасницы в свой бурак; не любит жидкого квасу; ну, а дворня не ма-

ленькая, как раз сольют и набурят водой. Чалый мерин, которому дозволено гулять в саду по дряхлости лет и за заслуги, оказанные еще в юности, по случаю секретных поездок верхом верст за шесть, за пять, в самую глухую полночь и во всевозможную погоду, — чалка этот вдруг заржал; это значит, слышит лошадей — такой уж конь табунный, жив-сгорел по своему брате; значит, это с поля едут. Сначала показываются боронщики-мальчишки, верхами на лошадях; Васька, сын кучера, обыкновенно впереди всех и что есть духу мчится, но, увидев меня, поехал шагом. Этакого сорванца-мальчишки и вообразить трудно: его пошлют, например, за грибами, а он поймает в поле чью-нибудь чужую лошадь, взнуздает ее веревкой, да верст в десять конец и даст взад и вперед.

«Однако что ж это оральщики не шабашат?» — думаю я сам с собою. Но и оральщики отшабашили, едут! Это можно догадаться по крику задельного мужика, Петра Завирохи; не зная, можно подумать, что он с кем-нибудь бранится, а вовсе нет: он только говорит, и беспрестанно говорит, и все криком кричит; поэтому его Завирохой и прозвали. От оральщиков отделился староста, худошавый и с озабоченным лицом мужик, отличающийся от прочих только тем, что в сапогах и с палочкой, но, как и все другие, сильно загорелый и перепачканный в грязи; он входит на красный двор, снимает шапку и подходит к перилам галереи.

— Здравствуй, Семен, надевай шапку. Что скажешь хоро-

шего? – говорю я.

– Овес выкидали, – отвечает Семен неторопливо.

– Ну, и слава богу! Вовремя, значит, управляемся; теперь, стало быть, ячмень и лен только остался, – продолжаю я.

– Лен и ячмень остался теперь, – подтверждает Семен.

Несколько времени мы оба молчим.

– Теперь бы дождичка надо, – замечаю я.

Семен вздыхает.

– Не мешало бы и дождичка, – соглашается он.

Вообще он говорит как-то лениво: видно, устал да и... Я, впрочем, понимаю, что это значит.

– Эй! Кто там? – кричу я. – Скажите ключнице, чтоб дала старосте водки.

Лицо Семена в минуту освещается удовольствием; ключница выносит стакан водки и вместе с тем полломтя густо на-соленного хлеба. Она, по разным сношениям, большая приятельница Семену и всех почти детей у него крестила.

Семен берет стакан, крестится и, проговоря:

– С засевом, батюшка, поздравляю! – выпивает сразу и потом морщится.

– Закусите, – говорит ключница, подавая ему хлеба.

Семен отламывает небольшой кусочек, съедает и откашливается.

– Озимь, сударь, нынче, слава богу, хороши поднимаются, – заговаривает уж он сам.

– Хороши, братец, хороши, видел я; и травы, кажется, то-

же будут порядочные.

– Травы важные засели-с, – подтверждает Семен, – весна-то нынче, сударь, что бог даст вперед, вольготна для всего идет; оно, выходит, тепло, да и дождинки перепадает.

– Заморозков чтоб не было – это вот скверно для всего, – замечаю я.

Семен усмехается.

– Пожалуй, что того и жди, – подтверждает он. – Покойный ваш папенька тоже говаривал, как этак с весны теплая погода начнет: «Ну, говорит, будет вычет; как подует от Николы любезный, так и ходи недели две в шубах».

(Никола – приход, от нас в северной стороне.)

– Неужели каждый год это бывает?

– Почесть что каждый год, что вот я ни живу; бог знает, отчего это! Кто говорит, что пахать начнут, пласт поднимут, так земля из себя холод даст, а кто и на черемуху приходит: что как черемуха цветет, так от нее сиверко делается... Бог знает, как и сказать.

– А куда завтра народ пошлешь? – спрашиваю я его.

– Завтра на дороги надо выгнать: выбивают. Сотской два раза прибежал, исправник его хлестать хочет, что дороги долго не чинят.

– Ну, на дороги, так на дороги, откладывать нечего в дальний ящик, не отвертись!

– Известно-с, – соглашается Семен, – за нами хоть бы и без вас, – прибавляет он, – хошь кого извольте спросить, ни-

когда супротив прочих ни в чем остановки нет; как другие вышли, так и мы.

– Это хорошо; так и надо. Ступай, однако, отдыхай, – заключаю я.

Семен сначала пошел было, но потом приостановился, подумал немного и опять воротился ко мне.

– Насчет плотника вы приказывали... – проговорил он.

– Ну да; что ж?

– Наказывал я: на этой неделе обещался побывать.

– И хорошо; только сделает ли он ригу-то?

– Как бы, кажись, не сделать: по мужикам здесь на всем околоте работает; рига не какая хитрость, не барские хоро-мы.

Тем разговор мой с Семеном и кончился.

II

Дня через три я сижу в кабинете, который, как водится в помещичьих домах, прилегает к лакейской; слышу: кто-то вошел. Я окрикнул; вместо ответа в сопровождении Семена вошел мужик небольшого роста, с татарским отчасти окладом лица: глаза угловатые, лицо корявое, на бороде несколько волосков, но мужик хоть и из простых, а, должно быть, франтоват: голова расчесанная, намасленная, в сурьмленной поддевке нараспашку, в пестрядинной рубашке, с шелковым поясом, на котором висел медный гребень, в новых сапогах и с поярковой шляпой в руках. Как вошел, так и начал молиться, и молился долго, потом вдруг подошел ко мне, и не успел я опомниться, как он схватил и поцеловал у меня руку. Мне это с первого раза не понравилось.

– Что это за глупости? – сказал я с сердцем, отнимая руку. Он отступил несколько шагов назад.

– Это, ваше высокоблагородие, так следует: когда выходит господин, значит, опосля бога и царя первый, ваше высокопривосходительство, – проговорил он с умильной физиономией.

– Да кто ты такой? Что ты за человек?

– Пузич, ваше привосходительство.

– Что такое Пузич?

– Фамилья такая у меня, значит, ваше привосходитель-

ство, и таперича наслышан я, что работа у вас имеется, ваше привосходительство, что ежель таперича вам мастера хорошего надобно, чтоб в настоящем виде мог представить, ваше привосходительство...

– Плотник это-с, что этта говорили, – разрешил, наконец, Семен.

– А! Плотник! Я и не догадался. Красно уж очень говоришь ты, братец, – сказал я.

Похвалу эту Пузич принял за чистую монету.

– Нельзя, ваше высокопривосходительство, нам разговору не знать: ежель таперича дела имеем мы с господами хорошими, значит, компанию им должны сделать завсегда, ваше привосходительство.

– Конечно, – сказал я, – только так ли ты хорошо строишь, как говоришь?

– Работа моя, ваше привосходительство, извольте хоть вашего Семена Яковлича спросить, здесь на знати; я не то, что плут какой-нибудь али мошенник; я одного этого бесчестья совестью не подниму взять на себя, а как перед богом, так и перед вами, должен сказать: колесо мое большое, ваше привосходительство, должен благодарить владычицу нашу, сенновскую божью мать⁴, тем, что могу угодить господам. Таперича хоша бы карандашом рисовка на плане, али, примерно, циркулем, али теперь по ватерпасу прикинуть – все в ра-

⁴ Сенновская божья мать – икона богородицы в церкви на Сенной площади Петербурга.

зуме моем иметь могу, ваше привосходительство.

Семен усмехался и качал головой.

– Как же, братец, ты вот все это в разуме имеешь, а работаешь больше по мужикам? – заметил я.

– Нет, ваше привосходительство, как перед богом, так и перед вами, говорю: за бесчестье себе считаю у мужика работать. Что мужик? Дурак, так сказать, больше ничего! – возразил Пузич.

– Да ведь и ты не княжеского рода. Говори дело-то, а не то что... – вмешался Семен.

– Известно, слово твое настоящее, Семен Яковлич, коли говорить, так говорить надо дело, – отвечал, не сконфузясь, Пузич.

Он начал производить на меня окончательно неприятное впечатление, но вместе с тем я с удовольствием смотрел на несколько ленивую и флегматическую фигуру моего Семена, который слушал все это с тем худо скрытым невниманием и презрением, с каким обыкновенно слушает, хороший мужик плутоватую болтовню своего брата.

– Брать ли нам его? – спросил я Семена.

Он посмотрел в потолок.

– Возьмите. Здесь ишь какая сторонка – глушь: хоть бы и из их брата, первой, другой, да, пожалуй, и обчелся.

– Без сумления будьте, ваше привосходительство, сделайте такую милость! – подхватил Пузич.

– Что ж ты возьмешь? Как твоя цена будет? – спросил я.

– Цена моя, ваше привосходительство, – начал Пузич, – будет деревенская, не то, что с запросом каким-нибудь али там прочее другое, а как перед богом, так и перед вами, для первого знакомства, удовольствие, значит, хочу сделать: на ваших харчах, выходит, двести рублей серебром.

При этом Семен мой даже попятился назад.

– Что ты, паря, сблаговал, что ли? – сказал он, устремив глаза на Пузича.

– Меньше одной копейки, Семен Яковлич, взять не могу, – отвечал тот.

Я с своей стороны понял, что имею дело с одним из тех мелких плутишек, которые запрашивают рубль на рубль барыша, и хотел разом с ним разделаться.

– Твоя цена двести рублей, а моя – сто, – сказал я, думая, что снес, сколько возможно, много. По лицу Пузича быстро промелькнул какой-то оттенок удовольствия, а Семена опять подернуло.

– Сто – много, помилуйте! Семидесяти рублей с него за глаза будет, – произнес он с укоризною.

Пузич усмехнулся.

– Не то что об семидесяти, а и об ста рублях, Семен Яковлич, разговаривать нечего. Этой цены малой ребенок не возьмет! – сказал он с такой уж физиономией, как будто скорей готов был умереть, чем работать за сто рублей.

– Полно врать, Пузич! Полно! Что язык понапрасну треплешь! – возразил Семен, начинавший выходить из терпенья.

– Може, вы сами язык понапрасну треплете, Семен Яковлич. Здесь идет разговор с господином, а не с мужиком: значит, понимаем, с кем и пред кем говорим, – возразил Пузич.

– Сто рублей, больше не дам: согласен – хорошо, а нет – так можешь убираться, – сказал я и нарочно стал заниматься своим делом.

Пузич не уходил.

– Позвольте, ваше привосходительство, – начал он, прикладывая руку к сердцу, – так как таперича я очень желаю, чтоб знакомство промеж нас было; значит, полтора ста серебром вы извольте положить, и то в убыток – верьте богу.

– Больше ста не дам, убирайся! – решил я.

– Ваше высочорodie, позвольте! – продолжал Пузич, еще крепче прижимая руку к сердцу, – кому таперича свое тело не мило, а лопни, значит, мои глаза, ваше привосходительство, ежели кто хоть копейку против меня уваженья сделает.

– Ломается еще туда же, дура-голова! – проговорил Семен.

– Ломаться мы не ломаемся, Семен Яковлич, уж это вы сделайте такое ваше одолжение, а, значит, дело, выходит, неподходящее.

– Неподходящее? – повторил Семен сердито. – Мало тебе, жиду, ста рублей! Двадцать пять серебром и то лишних передано.

Пузич как будто бы не слышал этого замечания и обратился ко мне:

– Накиньте, ваше высокопривосходительство, хоть четвертную еще; ей-богу, безобидно будет.

Я молчал.

– Это что говорить, – продолжал Пузич, – сработать можно всяко; только я худого слова, значит, заслужить не хочу, а желаю так, чтоб меня и напередки знали... Може, ваше привосходительство, изволите знать по Буйскому уезду генерала Семенова: господин, осмелюсь так, по своей глупости, сказать, строжающий, в настоящем виде, значит... когда у него эта стройка дома была, пятеро подрядчиков, с позволенья доложить вашему привосходительству, бегом сбежали от него; и таперича, когда он стал требовать меня: «Что ж, думаю, буди воля царя небесного! А я готов завсегда служить господам», ваше привосходительство. И как перед богом, так и перед вами потаить не могу, первые две недели все мои ребра палкой пересчитаны были; раз пять, может статься, кровянил меня; но я, по своему чувству, ваше привосходительство, не то что брал в обиду, а еще в удовольствие – значит, нас, дураков, уму-разуму учат; когда таперича мужик над тобой куражится и ломается, а от барина всегда снести могу.

«Экая подлая натуришка!» – подумал я и молчал.

– Таперича при разделке, когда дело это было, – продолжал опять Пузич, – генерал сейчас сделал мне отличнейшее угощение и выкинул пятьдесят рублей серебром лишних. «На, говорит, тебе, Пузич, за то, что нраву моему, зна-

чит, угодил». И эти деньги мне, ваше высокопривосходительство, дороже капитала миллионного: значит, могу служить господам.

Я все молчал. Выждав немного, Пузич снова заговорил:

– А насчет вашей работы, я так полагаю, что мое особенное старание быть должно. Таперича, когда моя работа у вас пойдет, вы извольте лечь на ваш диванчик и почивать – больше того ничего сказать не могу.

Я взглянул на Семена: в лице его изображались досада и презрение.

– Не дам больше ста, – сказал я решительно.

Пузич перенял свою шляпу из одной руки в другую.

– Этой цены, ваше высокородие, никому взять несообразно, – проговорил он и потом, постояв довольно долго, присовокупил, вздохнув: – Прощенья, значит, просим, – и стал молиться, и молился опять долго. – Только то выходит, что за пятнадцать верст сапоги понапрасну топтал, – пробурчал он.

– Эка, паря, что ты сапоги потоптал, так и дать тебе тысячу! – возразил Семен.

Пузич, ничего на это не возразив, повторил еще раз:

– Прощенья просим, ваше высокородие, – и пошел; Семен за ним; но я видел, что Пузич не уйдет и воротится, потому что шел он очень медленно по красному двору и все что-то толковал Семену. Через несколько минут они действительно опять воротились.

– Сто берет, – сказал Семен.

– Хоша три рублика серебром, ваше высокородие, набавьте: по крайности я на артель ведро вина куплю, – присовокупил Пузич с подло просительным выражением в лице.

– На артель, братец, я сам куплю ведро вина, а тебе копеечки не прибавлю, – возразил я.

Пузич грустно покачал головой.

– Как нынче и на свете стало жить – не знаем, – начал он, – господа, выходит, пошли скупые, работы дешевые... Задаточку уж, ваше высокородие, извольте мне пожаловать, – прибавил он еще более просящим голосом.

– Сколько ж тебе?

– Двадцать пять рубликов серебром, – отвечал Пузич совершенно уж неестественным тоном.

Видимо, что он принадлежал к разряду тех людей, которые о деньгах покойно и без нервного раздражения не могут даже говорить. Я подал ему двадцать пять рублей; Семену это не понравилось.

– Что в задаток-то хватаешь? Не убежим от твоих денег! – сказал он Пузичу.

– Ах, Семен Яковлич, бог с тобой! Выходит, словно ты наших делов не знаешь, – проговорил тот, засовывая дрожащею рукою бумажку в кожаную кису, висевшую у него на шее.

– Ты сам, паря, свои дела лучше нашего знаешь, – отвечал Семен. – Теперь вот ты у нас работу берешь, а я тебе при ба-

рине говорю, чтоб опосля чего не вышло: ты там как знаешь, а чтоб на нашей работе Петруха был бесприменно.

Пузич насмешливо улыбнулся.

– Петруха? – повторил он с усмешкою и обратился ко мне. – Когда я, ваше привосходительство, сам на работе, что же значит Петруха? Какое он звание может иметь, когда сам подрядчик тут, извините вы меня, Семен Яковлич, – отнесся он к Семену.

– Из наших ведь, брат, мужицких извинений не шубушить, это что! – возразил в свою очередь Семен. – Не на одной нашей работе, а и на всякой Петруху от тебя требуют – знаем тоже.

Пузич еще насмешливее покачал головою.

– Ежели теперича, чтоб барину сделать удовольствие, Семен Яковлич, мы о Петрухе не постоим, за Петруху нам стоять много нечего: артель моя большая.

– Артель твою, Пузич, и мы тоже знаем; я опять при барине говорю: кроме Петрухи, другой прочий може у тебя только с нынешнего Николы топор в руки взял, так уж с того спросить много нечего.

– А Петруха-то кто ж такой? – спросил я Семена.

– Уставщик; по всей артели парень надежный, – отвечал он.

– Кто про это говорит! Мастер отличнейший, в лучшем виде значит. Ежели теперича, ваше привосходительство, с позволения так сказать, по нашим делам он человек, значит,

больной, а мы держим его без пролежек; ваше привосхождение, жалование, значит, кладем ему сполна, – проговорил Пузич, но таким голосом, по тону которого ясно было видно, что похвала Петрухе была ему нож острый, и он ее поддерживал только по своим торговым расчетам.

При прощанье Пузич стал просить у меня полтинничка в придачу ему на чай. В полтиннике мне уж совестно было отказать – я ему дал, но Семен и против этого протестовал:

– Ну, паря, славная ты выжима! – проговорил он Пузичу, на что тот отвечал только вздохом.

III

Сделать ригу я задумал не столько по необходимости, сколько для развлечения. Помещики, обреченные на постоянную жизнь в деревне, очень хорошо знают, что стройка в деревне – благодать, самое живое развлечение; точно должность получил, приличную своим способностям: каждое утро сходишь посмотреть, потолкуешь; после обеда опять идешь посмотреть; вечером тоже.

Все это делал, конечно, и я.

Пузич пришел ко мне работать сам четверт: с молодым парнем, Матюшкой, толсторожим и глуповатым на лицо, с Сергеичем, стариком очень благообразным, который обратил особенно мое внимание на себя тем, что рубил какими-то маленькими и очень красивыми щепочками и говорил самым мягким тенором, и все всклад. Уставщик Петруха был мужик высокого роста, сухой, с строгим выражением в глазах и с ироническим складом в губах. Он говорил мало, но резко и насмешливо. Сам Пузич оказался на работе совершенная дрянь: он суетился, кричал, бранил, впрочем, одного только Матюшку, который принимал его брань с простодушной и глупой улыбкой.

– Всегда тебя так бранит подрядчик? – спросил я его.

– Завселды... дядюшка ведь он мне, завселды все лается, – отвечал он мне и засмеялся.

Над Сергеичем Пузич только важничал, но перед Петрухой – другое дело: тот его, видимо, уничтожал своею личностью и чувствовал, кажется, особое наслаждение топтать его в грязь по всем распоряжениям в работе. Достаточно было Пузичу выбрать какое-нибудь бревно и положить его на углы, для пригонки, как Петр подходил, осматривал и распоряжался, чтоб бревно это сбросили, а тащили другое.

– Что? Аль неладно? – спрашивал при этом Пузич каким-то робким голосом; но Петр даже не удостоивал его ответом, молча размечал, и Пузич смиренно усаживался и начинал рубить по отметкам работника.

На другой или на третий день, как стали они у меня работать, я подошел и сел на бревне около Сергеича, на долю которого выпало тесать пол, и, следовательно, он работал вдали от прочих.

– Что, дедушка, стар бы ты по чужой стороне ходить, – заговорил я.

– Что делать-то, батюшка, – отвечал старик мягким голосом, – нужда скачет, нужда пляшет, нужда песенки поет – да! Хоть бы и мое дело, не молодой бы молодец, а на седьмой десяток валит... Пора бы не бревна катать, а лыко драть да на печке лежать – да!

– Отчего это ты все вот всклад говоришь? – заметил я ему. Сергеич усмехнулся.

– Измолodu, государь мой милостивый, – отвечал он, – такая уж моя речь; где и язык-то набил на то – не помню; с хо-

роводов да песен, видно, дело пошло; ну и тоже, грешным делом, дружничал по свадебкам.

– Дружкой ты был? – сказал я.

Старик самодовольно улыбнулся.

– Я был, може, из дружек дружка, а не то что просто дружка; меня ажно из Ярославля богатые мужички ссыгали дружничать у них на сыновних свадьбах, по сту рублей мне за то платили; я был дорогой дружка – да! Ты вот, государь милостивый, в замечанье взял, что я речь всклад говорю; а кабы ты посмотрел еще меня на свадебном деле, так что твой колоколец под дугой али гусли многострунные!

– Как же у вас начинаются, например, эти сговоры? С чего? – спросил я.

– Сговоры, государь мой милостивый, – отвечал Сергеевич, кажется, очень довольный моим вопросом, – начинаются, ежели дружка делом правит по порядку, как он сейчас в избу вошел, так с поклоном и говорит: «У вас, хозяин, есть товар, а у нас есть купец; товар ваш покажите, а купца нашего посмотрите...» Тут сейчас с ихниной, с невестиной стороны, свашка, по-нашему, немытая рубашка, и выводит девку из-за занавески, ставит супротив жениха; они, вестимо, тупятся, а им говорят, чтоб смотрелись да гляделись – да! Теперича невеста, значит, понравилась. Женихов дружка сейчас по имени чествует хозяина в дому... Иван Иваныч, что ли: «Товар ваш, Иван Иваныч, показался, ум-разум расступился, пожалуйста шубу на стол, станем богу молиться и по

рукам биться» – да! Девку опять за занавеску уводят: горе горевать, свой девичий век обвывать, а батька с маткой сядут за стол дочку пропивать, и пьянство тут, государь мой милостивый, у нас, дураков-мужиков, бывает шибкое; все, значит, от жениха идет; только, сердечный, повертывайся, не жалея денежек, приезжай, значит, припасенный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.